

Первого числа первого месяца по лунному календарю, на рассвете, когда небо еще подернуто предрассветной мглой, а деревню окутывает тонкая дымка, тишину внезапно разорвал грохот петард. Треск и хлопки эхом разносились в воздухе, словно не желая утихать, и метались между стропилами крыш каждого дома.

Во дворе у Ван Телиня уже вовсю кипела жизнь. Хозяин, одетый в слегка поношенную, но опрятную ватную куртку, стоял прямо — его широкие плечи и ровная спина выдавали в нем человека простого, но твердого духом. Рядом, в скромном ватнике и с красным платком на голове, стояла его жена Ли Гуйлань, выглядевшая на редкость добродетельной и статной. Супруги, держась за руки, быстро вошли в дом. Пол, выложенный синим кирпичом, был чист и гладок.

Ван Телинь, не раздумывая, опустился на колени, а следом за ним опустилась и Ли Гуйлань. Старший брат, Ван Ханьлинь, был в старой куртке, локти которой пестрели слоями заплаток — одежда явно служила ему не один год. Когда он совершал земной поклон, рукав куртки чуть задрался, обнажив ярко-красную майку — подарок трудовой артели тысяча девятьсот пятьдесят второго года; её сочный цвет казался особенно приметным на фоне скромного наряда.

— Пришли поклониться отцу и матери, желаем вам счастья, как в Восточном море, и долголетия, как у гор Наньшань! — громко и искренне произнес Ван Ханьлинь.

Едва он закончил, невестка украдкой сунула под чайную чашку деда фруктовую конфету. Это была её величайшая ценность — леденец, припасенный еще с того дня, когда у племянника по материнской линии был первый месяц со дня рождения.

— Теперь я, теперь я! — оживленная Ван Шуянь, не в силах ждать, оттолкнула третью сестру, Ван Шуфэн, и вырвалась вперед.

Две её косички-баранчика с красными лентами подпрыгивали при каждом движении, то и дело задевая таблички предков. Ван Шуянь с радостью опустилась на колени, звонко ударила лбом об пол и тут же проворно вскочила.словно фокусница, она вытащила из кармана горсть ароматных жареных семечек и с восторгом крикнула четвертому брату:

— Четвертый брат, смотри! Я нашла их за спиной у бога очага!

На бабушкином запястье звякнул серебряный браслет:

— Маленькая проказница, это же подношение богу очага!

Когда солнце взошло над восточным флигелем, во дворе уже разложили три столика для игры в маджонг. Ван Хайлинь с грохотом перебирал костяшки счетов:

— Сегодня второй брат во что бы то ни стало отыграет деньги на табак, проигранные в прошлом году!

Вторая невестка Лю Шуфэнь сунула ему в карман горсть семечек:

— Береги голос, в полдень еще с третьим братом соревноваться, кто быстрее фарш нарубит.

В полдень третьего числа повалил мелкий снег, и Ван Шучжэнь, ступая новыми ватными туфлями, вбежала во двор с криком:

— Третья, неси скорее корзину!

Она принесла красную бумагу с золотым порошком — во что бы то ни стало хотела научить племянниц вырезать узор Сотня потомков. Едва третья невестка Чжао Лицзюань успела повернуть ножницы, как вторая сестра скривила губы до самых ушей:

— Ну надо же, ты этому пухляшу руки вырезала, как стебли конопли!

Самое оживленное время настало перед рассветом пятого числа. Вся семья, закутавшись в ватники, сидела на ступенях родового храма и смотрела, как Ван Сюэлинь устанавливает фамильный позолоченный медный котел. Третий брат достал из внутреннего кармана пальто бумажный сверток и загадочно прошептал:

— Это же концентрированный бульон из лавки старого мастера с Цяньмэнь!

Младшая сестра оказалась глазастой и заметила в углу свертка едва заметный оттиск: Специальный заказ тысяча девятьсот пятидесятого года.

Когда первый луч утренней зари коснулся свитка с генеалогическим древом, в котле забуллил янтарный бульон. Дед постучал медным чубуком по алтарю:

— Варите пельмени!

Двадцать шесть изящных фарфоровых ложек, словно по волшебству, одновременно нырнули в самый центр кипящего, источающего аромат котла. В этот момент Ван Шуфэн внезапно вскрикнула, нарушив гармонию. Взоры всех устремились к её ложке: в пельмене, который она выловила, была спрятана старинная монета эпохи Гуансуй, а в отверстии монеты была продернута ярко-алая шелковая нить.

— Это же те самые деньги на счастье, что ваш дядя раздавал вам много лет назад! — промолвил молчавший до этого отец, Ван Шоуе.

Он провел большим пальцем по пятнам зеленой патины на монете, и в его глазах отразилась глубокая тоска по ушедшим временам. Солнечный свет, пробившись сквозь окно, осветил морщины на его лице — каждая из них, казалось, хранила свою нерассказанную историю.

Тем временем внимательная мать, Ли Юэ, незаметно переложила приготовленный ею пельмень с начинкой из красного сахара в чашку бабушки, которая никак не могла перестать кашлять. Однако, к всеобщему удивлению, бабушка, заметив это, лишь слегка улыбнулась и, не раздумывая, переложила этот полный заботы пельмень в чашку Ван Ханьлиня.

В этот миг родственные узы, словно невидимая нить, крепко связали всех членов семьи. Время в смехе и разговорах пролетело незаметно, и солнце уже стояло высоко. Пока все были погружены в веселье, младшая сестра, словно бойкая птичка, влетела в дом и закричала:

— Я нашла у порога храма странные следы!

Услышав это, домашние побросали палочки, подхватили тускло светящиеся керосиновые лампы и бросились по следу. После долгих поисков они обнаружили на балке в деревянном сарае выцветший погремушку-колотушку. На её поверхности всё еще можно было различить следы зубов, оставленные Ван Шуянь в детстве, — словно сама вещь рассказывала о беззаботных днях прошлого. Глядя на погремушку, хранящую столько воспоминаний, вся семья погрузилась в задумчивость.

Муж третьей сестры, захмелев, решил показать удаль, но, встав на каменный жернов, поскользнулся, и бутылка эрготоу, что была у него за пазухой, вылилась прямо на угли в очаге. Взметнувшийся белый дым так напугал сторожевого пса, что тот закружился на месте.

Когда сумерки, словно тонкая вуаль, опустились на оконные переплеты, окрасив их в багрянец, чернила на старинном тяжелом генеалогическом древе наконец высохли. Ван Ханьлинь только что закончил растирать тушь, и его руки, еще хранившие запах муки, слегка дрожали. В этот момент он увидел, как дед медленно и бережно достает со дна камфорного сундука предмет, завернутый в плотную промасленную ткань.

Слой за слоем разворачивая ткань, дед явил миру старую, пожелтевшую фотографию всей семьи. Снимок был сделан в фотоателье в Бэйпине в тысяча девятьсот пятидесятом году. Время наложило свой отпечаток, но лица каждого были всё еще отчетливо видны. Особенно искренняя и сияющая улыбка дяди — казалось, она была способна преодолеть реку времени и коснуться самого сердца.

Пока все предавались воспоминаниям, в жаровне с углями внезапно вспыхнула искра, словно падающая звезда, прочертившая тьму. Этот случайный эпизод не вызвал переполоха, лишь одна искра упала прямо на недоделанную выкройку туфель Ван Шучжэнь. Вторая сестра уже хотела вскрикнуть, видя, как её кропотливый труд едва не погиб, но слова застряли у неё в горле. Она увидела, что младшая сестра тайком достала из кармана заветный фантик от конфеты и с восторгом воскликнула:

— Вторая сестра, посмотри! Разве эта целлофановая бумажка в свете огня не похожа на разноцветные фонарики с улицы Люличан?

Невинные слова младшей сестры подействовали как чудо, мгновенно воцарилась тишина. Взоры всех обратились к мерцающему фантику, и люди на миг забыли о случившемся инциденте.

В это время ясный лунный свет пробился сквозь окно, осветив двадцать восемь медных монет, рассыпанных на полу. В лунном сиянии они отливали холодным голубоватым светом, словно рассказывая о прожитых ими веках. А старинные часы на балке родового храма, словно почувствовав беспокойство в этой тишине, начали ритмично бить. Звонкий и мелодичный бой в ночной тишине звучал особенно громко, разбудив даже полосатую кошку, дремавшую под алтарем. Она потянулась во весь рост, настороженно подняла голову и своими круглыми глазами с любопытством принялась разглядывать всё вокруг.

<http://bllate.org/book/18479/1773179>